НОРМА СТАР

ГОД МЕЖДУ ВСТРЕЧАМИ

18+

РОМАН

18+

Норма Стар

Год между встречами

«Автор»
2026

Стар Н.

Год между встречами / Н. Стар — «Автор», 2026

Они успели влюбиться до того, как её песня стала известной.Пятнадцать лет Элис выступала, записывалась и собирала свою небольшую аудиторию. Теперь ей предлагают гастроли, а между репетициями и интервью всё труднее найти вечер для двоих.Бен искренне рад за неё. У него есть любимая работа в техническом колледже, шестнадцатилетний сын и жизнь, которую он не собирается ставить на паузу. Встречи с Элис по-прежнему полны смеха, желания и простого счастья. Но каждый новый рабочий шанс меняет планы, которые ещё вчера казались общими.Впереди год концертов, поездок, семейных решений и возвращений. Элис привыкла говорить возможностям «да». Бен умеет поддерживать, но не всегда говорит о том, чего не хватает ему самому. Им предстоит понять, как быть вместе, когда любовь уже есть, а места для неё в календаре становится всё меньше.

© Стар Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Субботний хлеб 6
Глава 2. От какой стороны считать 12
Глава 3. Четыре такта 19
Глава 4. Место в укрытии 25
Глава 5. После красной лампы 30
Глава 6. Не по правилам 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Норма Стар
Год между встречами

Год между встречами
Норма Стар

Глава 1. Субботний хлеб

29 марта 2025. Бристоль. Элис

Когда тост выскочил в третий раз, Элис накрыла его ладонью.

— Ты что делаешь? — спросил Бен.

— Не даю ему принять необдуманное решение.

— Он уже принял. Два раза.

Она отдёрнула руку: горячо. Бен достал хлеб щипцами, положил на тарелку и, не глядя, подвинул к ней банку апельсинового джема. Элис любила тонкий, почти обугленный край, но стеснялась этого перед тостером, который имел четыре степени поджаривания и ни одна не называлась «ещё чуть-чуть».

На Бене были джинсы и тёмная футболка, выцветшая на плечах. Он стоял босиком на кухонном полу, придерживая бедром нижний ящик. Ящик открывался сам. Элис уже видела, как Бен его чинит, и знала, что теперь тот открывается не просто так, а по какой-то более интересной причине.

— Не начинай, — сказал он, поймав её взгляд.

— Я ничего.

— Ты посмотрела с выражением.

— У меня лицо. Иногда оно работает.

Он засмеялся и потянулся за её тарелкой, чтобы добавить второй тост. Элис перехватила его за пояс, прижалась лбом к тёплому животу. От него пахло мылом и хлебом. Пальцы Бена прошлись по её затылку, задержались под собранными волосами. Это было совсем небольшое движение, однако она закрыла глаза.

Они всё ещё учились таким утрам. С ноября прошло достаточно времени, чтобы перестать спрашивать, где ложки, но недостаточно, чтобы перестать радоваться чужому телу на расстоянии вытянутой руки. У неё здесь были зубная щётка, зарядка и единственный носок, вторую половину которого Бен обещал разыскать в рамках отдельного расследования.

На лестнице загрохотали шаги.

— Вы опять стоите там, где еда?

Элис выпрямилась. Финн, уже в куртке, смотрел на стол с выражением человека, чью экспедицию задержали непредвиденные обстоятельства. Из кармана торчал синий пакет, к груди был прижат фотоаппарат.

— Мы охраняем, — сказала она.

— От кого?

— От неопытных путешественников.

Финн взял тост и оглядел его снизу.

— С этим опоздали.

Бен поставил перед ним тарелку с нормальным хлебом. У сына и отца были одинаковые брови, но пользовались они ими по-разному. Бен поднимал одну, когда хотел дать собеседнику шанс одуматься. Финн сводил обе к переносице и смотрел так сосредоточенно, будто объяснение уже началось где-то без него и он догонял.

— Во сколько вернёшься? — спросил Бен.

— После обеда. Мама заберёт у станции.

— Ей написал?

Финн молча показал экран телефона, затем убрал его.

— На всякий случай, — пояснил Бен.

— Всякий случай прочитал и поставил большой палец.

Элис налила себе кофе. Участие в чужом семейном разговоре ещё требовало осторожности. Ей нравился Финн, однако она не знала, куда девать свою доброжелательность, если та становилась слишком заметной. Он уже терпеливо вынес её первое «ну как школа» и однажды объяснил, что водяная курочка не утка. Второй раз она решила не спрашивать.

— Ты за той птицей? — сказала она.

Он обернулся с хлебом во рту.

— Которую не видно на фотографии.

— Это потому, что её не было, — ответил Финн, проглотив.

— Значит, шанс улучшить снимок большой.

Он усмехнулся.

— Теперь там водяной пастушок. Может быть.

— Тогда не буду желать удачи. Вдруг спугну.

Финн забрал со стола яблоко. У двери Бен ещё раз спросил о времени, но уже не стал ждать подробного отчёта. После хлопка входной двери в доме несколько секунд слышалось только, как наверху наполняется бачок. Потом Элис села на оставленный Финном стул и вытянула ноги.

— Я вчера забыла спросить про твою Майю.

— Не мою.

— Студентку твоей мастерской, которую ты не имеешь в собственности.

— Так точнее.

— Получилось?

Бен прислонился к столу.

— Сама нашла ошибку. А потом в объяснении написала: «Исправила, и заработало».

— По существу.

— Работодатель захочет знать чуть больше.

— Ты так и сказал?

— Она спросила, нужны ли ему ещё и иллюстрации.

Элис засмеялась. Бен рассказывал о своих студентах без привычного ей деления на тех, кто талантлив, и тех, кто зря занимает место. Он мог злиться на конкретную глупость, на списанный расчёт, на собственную неудачную инструкцию. Иногда вечером ему хотелось говорить о другом. Она научилась различать это по тому, как он ставил сумку: на стул означало, что день ещё не закончился; под лестницу — что можно спросить, хочет ли он посмотреть плохое кино.

Сегодня сумка стояла под лестницей.

Она осторожно зацепила его ступню своей.

— До скольких ты свободен?

— До тех пор, пока ты не решишь, что нужно ехать на концерт за семь часов.

— Мне нужно только забрать гитару и переодеться.

— И?

— И проверить кабель.

— И?

— Ты мешаешь мне быть загадочной женщиной.

Бен наклонился и поцеловал её. От первой половины поцелуя ещё можно было вернуться к завтраку. От второй — уже нет. Когда он поднял голову, Элис держала его за запястье.

— Кабель подождёт, — сказала она.

* * *

В её квартире в Истоне пахло остывшим кофе и влажным полотенцем. Элис открыла окно, поставила гитарный футляр на диван и посмотрела на часы. Четверть второго. Саундчек в пять. Она уже опаздывала по внутреннему расписанию, которое сама себе придумала и от которого всё равно зависело настроение.

На столе лежали три листа с текстом новой песни. У одного было оторвано полполя: она записала строчку на обороте конверта, а потом зачем-то попыталась привести конверт к прямоугольной форме. Строчка от этого не стала лучше. Элис прочла её, вычеркнула последнее слово и ушла в спальню.

Одежда для сцены сохла на дверце шкафа. Чёрные брюки, блузка цвета старого золота. Блузка красиво двигалась, но край рукава норовил попасть под струны. Она уже дважды собиралась отнести её портнихе. Сегодня снова закатала рукав и закрепила незаметным стежком.

Телефон завибрировал возле игольницы.

«Ты жива?» — написала Нина.

Элис отправила фотографию напёрстка.

«Это что?»

«Новая часть сценического образа».

«Пожалуйста, скажи, что не вместо брюк».

Элис улыбнулась и позвонила ей. Нина ответила с улицы; за голосом скрежетало что-то металлическое.

— Ты где?

— Пытаюсь взять бас из ремонта. Он отремонтирован, а человек, который его отремонтировал, нет.

— Что с ним?

— Он пошёл за бутербродом и закрылся. Я вижу бас. Бас видит меня. Очень трогательная встреча.

Они обсудили сет. Двадцать песен было слишком много, четырнадцать оставляли мало выбора. Сегодня обещали полный зал. Сто двадцать мест. Элис знала точное число проданных билетов и старалась не открывать приложение снова.

— Новую поставим? — спросила Нина.

— После «Лестницы».

— Лучше до. После они ещё минуту будут хлопать и снимать.

— Ты сейчас говоришь, будто мы знаем, что они будут делать.

— Я знаю, что будет делать женщина у левой колонки. Она приходит с собственной батареей для телефона.

Элис знала эту женщину. Сью приезжала из Бата и каждый раз приносила кому-нибудь печенье. Её муж не любил стоять, поэтому Элис заранее просила оставить у стены два стула. Она не знала, хорошо ли это для профессионального образа: певица, лично решающая вопрос со стулом. Но знала, что без стула муж Сью останется дома, а потом Сью будет всё время смотреть на часы.

После звонка Элис дописала порядок песен, убрала лист в карман футляра и проверила кабели и батарейку тюнера.

Пятнадцать лет из таких движений. Собрать, приехать, найти вход, объяснить, что она исполнительница, а не ожидаемый гость, выйти к людям. Иногда люди разговаривали, иногда слушали так внимательно, что хотелось проверить, дышат ли они. Однажды она пела в столовой фирмы по продаже офисных перегородок, и во время последнего припева два человека принесли за её спиной новый холодильник. Годами ей казалось, что однажды наступит работа, к которой не придётся пробираться через чужие дела.

Теперь она уже не ждала этого буквально. Ей нравилось многое из того, что было. Нина, например. Звук голоса в комнате, которая вдруг перестала шуметь. Сообщение незнакомой женщины: слушала по дороге домой. Возможность написать в понедельник песню и в субботу понять, чего в ней недостаёт.

Элис закрыла футляр. На экране возникло имя Прии.

— Ты сейчас можешь слушать? — спросила та.

— Да.

— Не соглашайся в первые десять секунд.

Элис села.

— Уже плохое начало.

Прия говорила негромко, быстро, без рекламного подъёма. У команды Мары Вейл появилось место для поддержки на британском отрезке весеннего тура. Букер слышал живую версию «Света на лестнице». Хотел посмотреть весь состав. Ничего не было подтверждено. Потребуются даты, бюджет, техническая информация; в понедельник Прия получит подробности.

— Какие залы? — спросила Элис.

Прия назвала два. Элис поднялась, хотя вставать было незачем.

— Все даты?

— Не знаем. Пока спрашивают о доступности.

— Мы доступны.

— Ты даже не знаешь когда.

— Да. Прости. Когда?

Май и начало июня. Предстояло выяснить, кто из музыкантов уже занят, сколько стоит дорога, хватит ли гарантированных денег хотя бы на основную часть расходов. Прия дважды сказала «разговор», один раз — «не предложение договора». Элис слушала и водила пальцем по вмятине в крышке гитарного футляра.

— Мне тебе сейчас что-нибудь прислать?

— Отработай вечер. Не рассказывай публике.

— Я не собиралась.

— Я знаю. Говорю потому, что сама хочу кому-нибудь рассказать.

Вот это было лучше любых названных залов.

После звонка Элис ещё минуту стояла посреди комнаты. Потом открыла переписку с Беном и набрала: «У меня, возможно, очень хорошие новости».

Он ответил почти сразу: «Возможно, расскажи».

* * *

Вечером Бен пришёл за двадцать минут до начала, когда Элис уже успела рассердиться на собственное волнение. Она заметила его из дверей маленькой комнаты, отведённой им за сценой. Он снял куртку, оглядел зал, кивнул знакомому у стойки. Никакого пропуска, никакой особой задачи. Человек пришёл послушать музыку.

Элис поманила его.

— Только на минуту.

Он прошёл за перегородку и остановился рядом с ящиками из-под напитков.

— Тут ваша роскошная гостиная?

— Ванная дальше по коридору. Общая с цивилизацией.

Она рассказала ему быстро, вполголоса. Уже второй раз за день, но снова начала путаться на названии одного из залов. Бен слушал, не перебивал. Когда она закончила, он улыбнулся так широко, что она тоже засмеялась.

— Элис. Это же здорово.

— Пока ничего…

— Я услышал. Пока ничего не подписано. Но они позвонили тебе.

Он взял её за оба плеча.

— Ты чего такая испуганная?

— Не испуганная.

— Хорошо.

— Немножко.

— Вот с этим я согласен.

Она прижалась к нему, осторожно, чтобы не оставить на футболке косметику. Его ладонь легла между лопаток.

— А если не получится?

— Тогда сегодня здесь всё равно сто двадцать человек, которые купили билеты.

— Сто шестнадцать. Четверо по списку.

— Тем хуже. С бесплатных спрос выше.

Нина, сидевшая на ящике, подняла большой палец, не отрываясь от телефона.

— Он нам подходит.

— Он зритель, — сказала Элис.

— Пока не знает своих обязанностей.

— Хорошо знает, — ответил Бен. — Купить напиток, не разговаривать во время песни, не предлагать сделать погромче бас.

Нина наконец посмотрела на него.

— Последнее обсудим.

Джоэл протиснулся мимо с бутылкой воды, сообщил, что на сцене всё готово, и ушёл. Элис ощутила знакомое сужение мира: до микрофона, света и первых четырёх тактов. Она поправила рукав. Бен наклонился к её уху.

— Иди. Я буду слушать.

На первой песне мешал гул возле бара. На второй она услышала, как Нина чуть задержала ноту, и сама не стала торопить фразу. Третья внезапно пошла легко. Свет бил в лицо, за ним различались столики, плечи, белая рубашка Сью. Муж Сью сидел на приготовленном стуле и кивал не в такт.

Перед «Светом на лестнице» кто-то выкрикнул название. Элис поблагодарила и дождалась тишины. Ей нравилось, что песню узнают по двум гитарным нотам. Иногда она боялась возненавидеть эти ноты, если придётся играть их слишком часто. Пока этого не случилось.

В последнем припеве несколько человек запели вместе с ней. Не весь зал. Не так ровно, как в записи. Один голос вступил слишком рано, другой никак не находил нужной высоты. Элис вдруг увидела Бена у дальней стены: он смотрел прямо на неё, держал стакан обеими руками и улыбался. Не пел. В этом было что-то настолько его, что ей пришлось опустить глаза к гитаре.

После концерта она продавала оставшиеся диски и подписывала открытки. Сью обняла её, сказала, что новая песня хорошая, но в середине хотелось больше слов. Муж Сью спросил, нельзя ли в следующий раз начать на полчаса раньше. Элис пообещала передать пожелание всем, кто умеет управлять субботним вечером.

Когда зал опустел, Бен стоял у двери в куртке.

— Я заказал нам столик. Поздний. Если ты хочешь.

Она посмотрела на Нину. Та уже застёгивала чехол.

— Иди. У нас машина на двоих. Твой футляр влезет?

— Я отвезу сама.

— Тогда поторопись, пока твой зритель не съел всё.

Через сорок минут они сидели в маленьком заведении, где кухня закрывалась, но хозяин ещё принял заказ. У Элис дрожали ноги от прошедшего концерта. Бен придвинул к ней воду и стал рассказывать, как по дороге спорил с автоматом на парковке.

Она слушала и понемногу возвращалась в обычную комнату, к обычной громкости. Её рука лежала на его колене под столом. Когда принесли еду, он накрыл её пальцы своими.

— Мы можем немного поговорить про тур? — спросила она.

— Конечно.

— Я ещё ничего не знаю.

— Отлично. Тогда у меня столько же сведений.

Она засмеялась. За окном проехал автобус; свет скользнул по лицу Бена и ушёл. Элис хотелось рассказать ему всё, включая то, чего пока не было.

Глава 2. От какой стороны считать

31 марта — 1 апреля 2025. Бристоль. Бен

Джош принёс деталь так, будто она сама была виновата.

— Не входит.

Бен посмотрел на алюминиевую пластину у него в руках.

— Вижу.

— Мы по чертежу.

— Чертёж покажи.

У противоположного верстака Майя перестала складывать инструменты. Она держала штангенциркуль двумя пальцами, осторожно, почти сердито. Это было неприятнее, чем прямое обвинение: когда у них не получалось вместе, Джош первым начинал говорить «мы», а Майя — молчать.

Бен подошёл к верстаку. Питание старого учебного стенда было отключено, вращающаяся часть закрыта прозрачным кожухом. Снять следовало только небольшую опору. Они изготавливали замену для лабораторной работы: не вещь, которой потом будут пользоваться на настоящем производстве, но вполне настоящую вещь, в которой отверстия обязаны совпадать.

— Кто проверял размеры до сверления?

— Я, — сказала Майя.

Джош положил пластину на коврик, затем потянулся за дрелью.

— Можно расширить.

— Можно, — ответил Бен. — И потом целый семестр объяснять, почему узел гуляет.

— Мы не целый…

— Поставь.

Джош поставил дрель. За их спинами загудела вытяжка в другой части мастерской; Дэн, техник, приоткрыл дверь и без слов показал Бену поднятый палец: группа у станков готова. Бен кивнул. У него было ещё шесть человек, две незавершённые проверки и разговор о посещаемости, который нельзя было вести возле верстака. Самым быстрым решением было сейчас приложить линейку и ткнуть в ошибку.

Он уже взял линейку.

Майя смотрела на неё.

Бен положил линейку обратно.

— Начните с того, что у вас совпадает.

— Длина, — сказал Джош.

— Запиши.

— Нам всё записывать?

— Всё, что вы проверили.

На лице Джоша возникла привычная надежда: если достаточно выразительно пострадать, взрослый в конце концов сам избавит тебя от задания. Сегодня надежде предстояло остаться без подкрепления. Бен перешёл к соседней паре, где двое студентов уверенно измеряли одну и ту же толщину разными способами и получали три ответа.

Он слышал Майю даже оттуда.

— От этой стороны?

— Да.

— А я от этой.

Бен заставил себя не обернуться.

Через несколько минут они пришли к нему вдвоём. Теперь деталь несла Майя, а Джош держал чертёж.

— Край другой, — сказал он. — То есть размер правильный, но мы не оттуда его взяли.

— Отверстие по одной стороне совпадает, — добавила Майя. — А по второй сдвинули. Я чертёж так повернула, потому что зажим мешал.

Она показала, как повернула. В её объяснении появилась злость на себя, и Бен остановил её раньше, чем злость стала оправданием.

— Что поможет следующему человеку не сделать то же самое?

Майя посмотрела на лист.

— Нормальная отметка базы.

— Где?

Она взяла карандаш. Джош наклонился посмотреть.

— И проверять после разметки вдвоём, — сказал он.

— Вдвоём смотреть в одну точку — не всегда проверка, — заметил Бен.

Джош усмехнулся.

— С разными глазами?

— С разными вопросами.

Следующие двадцать минут никто не произнёс ничего особенно впечатляющего. Они измерили старую пластину, перенесли недостающую отметку на рабочий лист, обсудили с Дэном, когда можно будет изготовить новую. Майя записала причину брака. Джош добавил эскиз, который оказался понятнее его предыдущей страницы.

Для Бена это была хорошая часть утра.

После занятия Майя осталась у верстака. Дождалась, пока Джош уйдёт, затем протянула Бену свой лист.

— Так пойдёт?

Он прочитал. Причина ошибки появилась, порядок проверки тоже. Последние две строчки были аккуратно переписаны из выданного им образца, хотя относились к совсем другому случаю.

— Вот это ты делала?

Майя посмотрела туда, куда он указал.

— Не совсем.

— Тогда почему написала?

Она пожала плечами.

Бен подождал. В мастерской Дэн собирал оставшиеся инструменты, из коридора доносились голоса следующей группы. Майя уже закинула рюкзак на плечо и могла уйти в любую секунду.

— Чтобы было нормально написано, — сказала она наконец.

Бен перечитал свой образец. Ему казалось, он составил его достаточно просто. Теперь несколько предложений выглядели так, будто были предназначены не для объяснения работы, а для доказательства, что составитель умеет пользоваться длинными словами.

— Расскажи, что вы сделали. Как рассказывала Джошу.

— Я уже рассказала.

— Мне.

Она вздохнула, но начала. Быстро, с двумя остановками, показала на чертеже исходную сторону, на пластине — смещение. Бен записал несколько её фраз почти дословно.

— Вот это и оставь, — сказал Бен, возвращая ей лист. — Только конец перепиши. Проверь только, поймёт ли это тот, кто не был на занятии.

— Тогда надо дописать, почему мы начали с этого края, — сказала Майя, ещё раз посмотрев на лист.

После её ухода Бен посмотрел на дату внизу образца. По нему работали уже три группы. Он записал себе на следующую неделю: заменить пример и поставить рядом два описания,

ясное и такое, из которого ничего не поймёшь. На это не отвели учебных часов. Лист он всё равно заменит.

Перед обедом Дэн спросил, можно ли освобождать верстак. Бен помог убрать детали в подписанную коробку. Бракованную пластину Майя попросила оставить: хотела взять её на следующий раз вместе с правильной.

После обеда система учёта перестала сохранять отметки. Бен пошёл к Салу.

Сал сидел в преподавательской над контейнером с рисом и смотрел на экран с видом человека, который уже пережил чужое утро.

— Не работает? — спросил он.

— У тебя тоже?

— У меня работает чайник. Я решил сосредоточиться на успехах.

— Как концерт? — спросил Сал.

Бен убрал телефон, на котором только что открыл фотографию Элис.

— Хорошо.

— По твоему лицу скорее неправдоподобно хорошо.

— Она получила… Может получить тур.

— За ней ездить будешь?

— На один концерт, если получится.

— Уже торгуешься?

— У меня здесь есть работа. Которая пока ещё не сохраняется.

Сал кивнул на его телефон.

— Покажи.

Бен показал. Снимок прислала Элис: Нина у стены, Джоэл с палочками за поясом, сама она наклонилась к микрофону, и от света лицо казалось золотистым. Бен не был уверен, хорошо ли она вышла на фотографии. Он помнил, как она выглядела с его места в зале, и фотография не вмещала главного.

— Похожа на человека, у которого всё получается, — сказал Сал.

— Она бы поспорила.

— Значит, нормально.

* * *

У Джудит на столе стоял незнакомый маленький вентилятор, хотя день был холодный.

— От окна тянет, — пояснила она, проследив за взглядом Бена. — А батарея не выключается. Это наша система климатического сотрудничества.

Она предложила ему сесть и развернула ноутбук. На экране был проект, который Бен прислал в январе: набор практических заданий на одном стенде, от измерения биения до документирования неисправности. Простейшая рабочая ситуация, которую можно было усложнять в зависимости от группы. Он писал предложение вечером, когда Финн занимался математикой, и потом почти перестал о нём думать.

— Можем попробовать в следующем учебном году, — сказала Джудит.

Бен придвинул стул.

— С какой группой?

— С нынешними первыми. И часть заданий для нового набора. Но не отдельный курс.

— Я и не просил.

— Знаю. Говорю заранее. Мы встраиваем работу в то, что уже преподаём и оцениваем. Сал посмотрит материалы.

У Бена появилось знакомое нетерпение: хотелось сразу открыть чертёж, заменить одну опору, проверить цену двигателя. Он остановился.

— Кто будет готовить стенд?

— Ты с Дэном.

— У Дэна есть время?

Джудит не ответила немедленно. Хороший знак: она хотя бы не собиралась говорить, что всё поместится между прочими делами.

— Нужно понять сколько.

— Тогда сначала посчитаем. Я могу составить перечень. Дэн оценит свою часть.

— На следующей неделе?

— Часть. У меня оценивание и встречи по планам студентов. И день подготовки.

— Я помню.

Бен не был уверен, что она помнила, но напоминание сработало. Они сдвинули один срок, оставили другой, договорились не заказывать оборудование, пока не появится смета. Это заняло сорок минут. Никакого повышения не произошло, денег Бену не прибавили. Однако из кабинета он вышел с ощущением, что следующие месяцы могут оказаться интереснее обычного.

В мастерской Дэн уже проверял шкаф с инструментом.

— Она сказала, мы с тобой сделаем стенд, — сообщил Бен.

— Замечательно. Она сказала, мы с тобой размножимся?

— Я попросил посчитать часы.

Дэн закрыл шкаф.

— Тогда принеси список. До отпуска, не в последний вечер.

Бен пообещал. На улице начал моросить дождь; он достал из сумки велосипедную куртку и обнаружил в кармане билет с субботнего концерта. Элис сунула его туда после ужина, когда выяснилось, что он всё ещё носит билет, хотя никто уже не собирался проверять вход.

«Чтобы не потерял доказательство», — сказала она.

Он сфотографировал билет и отправил ей. Приписал: «Мне тоже предложили небольшое мировое турне. Между мастерской и кабинетом Джудит».

Ответ пришёл, когда он застёгивал шлем: «Стенд?»

Она помнила.

Бен позвонил ей прямо у велопарковки.

* * *

Финн сидел за кухонным столом, когда Бен вернулся. На плите стояла сковорода, в которой ничего не было, зато рядом лежала пустая упаковка от яиц.

— Я поел, — сказал Финн.

— Вижу.

— Сковорода горячая.

— Это предупреждение или объяснение, почему она здесь останется?

— Оба.

Бен снял мокрую куртку. На холодильнике висел лист с экзаменационным расписанием, который они распечатали после письма из школы. Рядом — список продуктов, где Финн добавил слово «еда», а Элис в субботу приписала «уточнить сорт».

— Математику сделал?

— Да. Ты можешь посмотреть кое-что?

Бен открыл рот для привычного «после душа» и закрыл. Финн редко просил посмотреть кое-что до того, как всё уже было сделано. Он подвинул ноутбук.

На экране была страница колледжа. Фотография молодых людей в непромокаемой одежде, затем название курса.

— Это тот, о котором ты говорил?

— Да.

Бен сел. Sparsholt. Он помнил место приблизительно, к западу от Винчестера. Слишком далеко для ежедневной поездки, что Финн наверняка уже знал.

— Землеустройство? — спросил Бен.

— Управление природными территориями. Вот этот вариант. Среда обитания, учёт животных, лес, вода. Там ниже программа.

Финн листал быстро, но не наугад. Остановился именно там, где хотел. Бен прочитал список тем, попросил вернуться выше, посмотрел вступительные требования.

— А почему не биология и география здесь? Ты же смотрел местный колледж.

— Смотрел.

— Хорошие предметы. Потом университет, если захочешь.

— После этого тоже можно.

— Можно. Я не говорю, что нельзя.

Он уже говорил тоном, которым объяснял студенту несколько допустимых способов выполнения задания. По лицу Финна было видно, что сейчас этот тон не поможет.

— Мне нравится, что там делают, — сказал сын.

— Практика будет и после A levels.

— Через два года.

Бен посмотрел на фотографию ещё раз. Вода, сапоги, молодой человек с шестом. На рекламной странице всё выглядело убедительно. Его собственный колледж тоже умел фотографировать студентов так, чтобы в кадре не оказалось переполненного контейнера для отходов.

— Ты разговаривал с кем-нибудь, кто там учится?

— Написал. Один ответил.

— Кто?

— Студент.

— Это я понял.

Финн забрал ноутбук на свою сторону стола.

Бен ощутил раздражение, потом увидел, что сын всего лишь открывает другую вкладку. Под страницей курса был документ: расходы, проживание, поездки домой. Не законченный бюджет, а несколько колонок и вопросы. В двух местах стояло «спросить». Одно — про оплату, другое — про возможность хранить вещи на каникулах.

От этой незавершённости Бену стало труднее возражать. Здесь не было картинки совершенной будущей жизни. Было что-то гораздо серьёзнее: попытка понять, как её устроить.

— С мамой обсуждал?

— Вчера.

— И?

— Она сказала показать тебе.

— Очень мудро с её стороны.

Финн не улыбнулся.

Бен провёл ладонью по затылку. Он устал и промок, и хотел горячего ужина. Ещё он хотел, чтобы сын получил хорошее образование, не пожалел о слишком узком выборе и не потратил два года только потому, что ему нравились птицы. Всё это было правдой. Он повторил первые два соображения, стараясь не произносить последнее.

— Я ещё никуда не поступил, — сказал Финн. — Хочу подать заявку и съездить.

— Тогда так и сделаем. Посмотрим.

Сын кивнул, закрыл документ и вернулся к школьной работе. Бен пошёл наверх. В душе он вспомнил, как быстро сказал Элис по телефону, что ей надо соглашаться на встречу с букером, а детали можно выяснить потом.

Конечно, ситуации отличались. Элис была взрослой, давно работала, сама оплачивала свою жизнь. Он знал все отличия и пока не видел смысла продолжать сравнение.

После душа Бен вымыл сковороду. Финн, проходя за водой, остановился.

— Я собирался.

— Знаю.

Они постояли рядом. Потом Бен спросил, можно ли сохранить ссылку на курс. Финн отправил её без комментария.

* * *

Во вторник Элис пришла с супом в стеклянной банке и пакетом, из которого торчал лук.

— Суп мой, лук навязали.

Бен взял у неё банку.

— Кто?

— Человек, которому я сказала, что мне нужна одна луковица.

— И он дал?

— Три. Сказал, одна слишком грустно.

Финн был у Рэйчел. В доме стояла непривычная тишина, и Бен сначала подумал, что должен чем-нибудь её заполнить. Элис сама прошла на кухню, отодвинула стул носком ботинка и принялась расстёгивать куртку.

— Мне нужны десять минут, прежде чем я стану интересным собеседником.

— Можешь взять пятнадцать.

— Щедро.

Пока грелся суп, она сидела, запрокинув голову, с закрытыми глазами. Бен нарезал хлеб. Никакой торжественной близости в том, чтобы не разговаривать, он обычно не находил; молчать было удобно со многими людьми. Но с Элис ему нравилось ещё и ждать, о чём она заговорит первой.

Она открыла глаза.

— Сколько стоит твой стенд?

— Он ещё не мой.

— У нас прямо вечер уточнения собственности.

Бен достал из сумки блокнот. Не все страницы хотелось ей показывать: на последней были расчёты, которые он сделал неверно, а потом обвёл, чтобы не забыть исправить. Элис сама перевернула туда, куда он указал, и придержала лист двумя пальцами.

— Это будет крутиться?

— Если мы сделаем правильно.

— А если неправильно?

— Тоже. Но узнаем больше, чем планировали.

Она засмеялась. Он объяснил, зачем нужен прозрачный кожух, почему нельзя просто взять старое оборудование из угла и как хочет разделить задание между теми, кто уже умеет работать руками, и теми, кому сначала надо перестать бояться измерений.

Элис слушала. Не изображала понимание, когда не понимала. Дважды переспросила. Потом сказала:

— Получается, у них будет одна вещь, к которой можно возвращаться с разными задачами?

— Да.

— Это хорошо. А то я год училась петь упражнения, не зная, где у них музыка.

Он задумался. Такой формулировки у него не было.

За супом она рассказала о предстоящей репетиции. Им надо было уложить выступление в короткий сет, выбрать начало, проверить, насколько бас держит песню без второй гитары. Бен почти ничего не мог посоветовать и не чувствовал, что от него этого ждут.

После ужина Элис поставила посуду в раковину и попыталась обнять его со спины, когда он открывал нижний шкаф.

— Сейчас будет травма, — предупредил Бен.

— Тогда стой.

Он выпрямился. Она поцеловала его в шею; в этом поцелуе уже не было усталого приветствия.

— Ты останешься? — спросил он.

— Если у тебя есть место для одной грустной луковицы.

— Трёх.

— Две завтра уйдут на работу.

Бен рассмеялся и повернулся к ней. Блокнот остался на столе, раскрытый на рисунке стенда. Убирать его сегодня было не обязательно.

Глава 3. Четыре такта

2–4 апреля 2025. Бристоль. Элис

В репетиционной было холоднее, чем на улице. Элис сначала пожалела, что сняла куртку, потом попробовала сыграть в куртке и пожалела уже об этом. Рукав цеплялся за деку. Она оставила куртку на спинке стула, подвинула обогреватель подальше от чехлов и настроила гитару.

Нина ещё не пришла. Джоэл сидел за установкой и подгонял высоту малого барабана. Он делал это неспешно, поднимая плечи, опуская их и проверяя положение запястий, словно примерял костюм.

— Сегодня у нас большой тур? — спросил он.

— Сегодня у нас запись для людей, которые могут предложить большой тур.

— Тогда поставлю хороший барабан.

— У тебя есть плохой?

— Тот, который мне должны были вернуть в феврале.

Элис включила усилитель. В динамике что-то затрещало; она пошевелила разъём, выключила питание, заменила кабель. Треск исчез. Пока можно было думать о кабеле, всё казалось простым. Сложность лежала у неё на коленях: восемь песен, из которых предстояло сделать полчаса для людей, не пришедших слушать Элис Мерсер.

Она выступала поддержкой и раньше. Знала шум разговоров перед главной артисткой, движение у стойки, дружелюбное невнимание. Однако обычно это была одна дата, иногда две, и после можно было вернуться к своей публике. Здесь им предстояло выйти в десяти незнакомых залах и доказать своё право занимать место перед чужим ожиданием.

— Начнём с «Лестницы»? — спросил Джоэл.

— Не хочу сразу отдавать то, что знают.

— Может, как раз поэтому начнём.

Элис посмотрела на лист.

Вошла Нина, закрывая дверь плечом. На басовом чехле висел большой бумажный ценник, забытый в мастерской.

— Сколько стоит твоя левая рука? — спросил Джоэл.

Нина посмотрела на ценник.

— Меньше правой. Ей чаще достаётся интересная работа.

Она сняла куртку, распаковала бас и подошла к Элис. Вдвоём они молча перечитали список. Элис уже знала, возле какой песни остановится Нинин палец.

— Эту в начало?

— У неё длинное вступление.

— Мы можем сыграть короткое.

— Тогда это другое начало.

— Да, — сказала Нина. — Для того и собрались.

Они попробовали старую версию. Элис вступала одна, негромко, без усиленного первого удара, давая словам набрать вес. В маленькой комнате это работало: человек у ближнего столика поднимал голову, потому что голос обращался почти к нему. Сейчас Нина и Джоэл входили через несколько тактов, а к концу первого куплета Элис уже старалась перекричать будущий зал, которого пока не было.

— Стоп.

Джоэл приглушил тарелку ладонью.

Элис сняла гитару.

— Я начинаю давить.

— Ты начинаешь доказывать, — сказала Нина.

— Спасибо. Очень полезно.

— Я не про тебя целиком. Про ноту.

Нина сыграла короткую фигуру, которую раньше использовала перед припевом. Джоэл ответил ей лёгкими ударами по ободу. Элис послушала, не берясь за инструмент. Бас оставлял больше пустого места, чем её гитара; ритм не торопил, но уже давал опору.

— Ещё раз, — сказала она.

На этот раз ей удалось войти без нажима. Первая строчка вышла почти разговорной, и она вдруг услышала в ней женщину, которую писала, а не собственное желание понравиться.

Однако на припеве всё расползлось.

Джоэл остановился сам.

— Мы подъехали к нему с разных улиц.

Нина села на край стула.

— Мне надо раньше отпустить.

— А мне — не добавлять, — сказала Элис.

Они сделали запись на телефон, послушали, снова сыграли. На маленьком динамике гитара исчезала, а бас, наоборот, казался слишком близким. Элис вышла с телефоном в коридор, где кто-то занимался трубой. Из-за двери доносились отдельные неуверенные звуки, повторённые с упрямством, которое ей было знакомо до боли.

Третью запись она слушала уже без надежды, что всё окажется прекрасно. И поэтому заметила, где стало лучше.

Вернувшись, она передвинула песню на первое место.

— Только нам нужно попасть в начало вместе.

— Значит, считаем, — сказал Джоэл.

— Не вслух со сцены, пожалуйста.

— У меня интеллектуальная публика. До четырёх поймёт.

К половине двенадцатого обогреватель наконец победил. Элис сняла свитер, выпила воды и заметила, что Нина разминает большой палец.

— Что с рукой?

— Ничего. Сегодня вечером ещё студия.

— Какая?

Нина назвала музыканта, чьи аранжировки Элис любила. Раньше он работал в основном с местными, теперь к нему приезжали записываться из Лондона.

— Ты не говорила.

— Мне позавчера позвонили.

— Поздравляю.

— Не с чем пока. Три трека и человек, который хочет «живое, но точно как в демо».

Элис знала этот вид работы. Она сама несколько раз записывала бэк-вокалы для людей, желавших именно её голос без тех особенностей, благодаря которым его выбрали.

— Я бы тоже хотел вечером в студию, — сказал Джоэл. — Там хотя бы кто-нибудь приносит еду.

Нина посмотрела на него.

— Ты давно не был в дешёвой студии.

Они сделали перерыв. Элис достала из сумки сэндвичи, которые собрала утром, и только тогда поняла, что положила три одинаковых. Нина терпеть не могла горчицу. Они поменялись начинкой прямо на бумаге; Джоэл попросил не объяснять ему происходящее.

Разговор перешёл на расписание. У Нины уже были две рабочие даты в конце мая. Одну можно было передать знакомой басистке, вторую — только если заказчик согласится. Джоэл по четвергам преподавал, но знал человека, способного взять несколько уроков.

Элис записывала.

— Я не хочу, чтобы вы теряли деньги.

— Тогда впиши их в смету, — сказала Нина.

Тон был обычный, деловой. От этого Элис стало неловче, чем от упрёка. Она хотела произнести красивое обещание и услышала конкретную задачу.

— Впишем, — сказала она.

После перерыва они записали весь получасовой сет без остановки. В последней песне Элис перепутала две строки. Нина повела её обратно к куплету так незаметно, что Джоэл потом спросил, действительно ли что-то случилось.

Элис слушала запись, сидя на полу, пока остальные собирались. Местами хотелось начать всё заново. Но были четыре минуты, на которых она перестала оценивать себя и просто слушала музыку.

Она сохранила файл. Этого для сегодняшнего дня было достаточно.

* * *

Прия предложила встретиться в кафе возле своей квартиры. У неё шла видеовстреча с другим клиентом, следующая начиналась через час, а в офисе меняли проводку. Элис приехала раньше и заняла стол, у которого были розетка и целых два стула, не требовавших проверки устойчивости.

Прия появилась с ноутбуком, бумажной папкой и маленьким контейнером.

— Это мой обед, — сказала она, перехватив взгляд Элис. — Не ещё один документ.

— Что там?

— Вчерашний обед.

Она заказала чай и открыла таблицу. На экране стало сразу много чисел, знакомых по отдельности и неприятных в общей сумме.

— Всё предварительно, — сказала Прия. — Но предварительная смета лучше фантазии.

Элис нашла гонорар группы, жильё, поездки, репетиции. Потом увидела дни, в которые концертов не было.

— Это тоже оплачиваем?

— Люди не могут телепортироваться домой на вторник, а в среду снова оказаться в Манчестере.

— Я не об этом. Здесь две разные строки.

Прия приблизила экран.

— Рабочий день. И расходы. Одно не вместо другого.

Она объяснила выбранную модель. Они ещё собирались обсуждать её с Ниной и Джоэлом; ставка не была обещана за них. Но Элис уже могла понять, сколько денег уйдёт прежде, чем кто-то откроет кассу у входа.

Внизу таблицы был отрицательный остаток. По предварительным условиям весь блок обходился в шестнадцать тысяч фунтов; гарантированные гонорары давали девять с половиной. Элис провела пальцем между двумя строками. Разницу в шесть с половиной тысяч можно было назвать подъёмной, разложить на несколько правильных причин и почти перестать замечать.

— Продажа дисков? — спросила Элис.

— Есть отдельно. Осторожный вариант.

— У нас обычно лучше.

— У нас обычно люди приходят на тебя.

Элис откинулась на спинку стула.

Кофемолка заработала в тот момент, когда Прия начала следующую фразу. Они замолчали, дождались. Элис успела посмотреть на человека у стойки, покупавшего пирог. Он долго выбирал между двумя кусками и в конце попросил оба. Ей захотелось такой задачи.

— Я не убеждаю тебя отказаться, — повторила Прия. — Мне самой хочется этого тура. Но я не буду строить его на том, что музыканты подождут денег, а ты каким-нибудь образом поешь.

— Я могу вложить часть накопленного.

— Какую часть?

— Шесть с половиной. Больше не могу.

Произнесённая вслух сумма прозвучала больше, чем в таблице.

Прия не стала поздравлять её с решимостью. Спросила, что останется.

За год Элис накопила свободный резерв в девять тысяч фунтов: преподавание, два удачных частных выступления, бэк-вокалы, возврат старого долга, о котором она почти забыла. Налоги и ближайшие обязательные платежи она уже отложила отдельно. У этих денег было сразу несколько назначений. Они были будущей записью, ремонтом собственной гитары, месяцем без работы, возможностью однажды сказать «нет». Теперь часть превращалась в майские гостиницы.

Прия записала шесть с половиной тысяч. Элис увидела, как цифра из её накоплений появилась в чужой таблице.

— А если ехать одним водителем?

— Если он выбьется из графика, подменять его придётся кому-то из вас.

— Состав не сокращаем, — сказала Элис.

— Я и не предложила.

— Я знаю. Говорю, чтобы самой не начать.

Уточнить условия площадок Прия взялась сама. Элис обещала пересчитать коробку дисков. Диски уже были оплачены. Коробку всё равно предстояло везти.

Прия закрыла таблицу.

— Теперь можно минуту порадоваться.

Элис засмеялась.

— Ты это тоже внесла?

— Нет. Это сверхурочное.

Они выпили остывший чай. Элис рассказала о четырёх удачных минутах на репетиции. Прия попросила прислать запись, но не сразу взялась за телефон.

— Я помню твой вечер в подвале на Глостер-роуд, — сказала она. — Когда свет включался вместе с вытяжкой.

— Невозможно забыть. У меня в каждом припеве начинала работать кухня.

— Я тогда подумала: если ей дать нормальный зал…

— Ты тогда сказала, что нужно сократить вступление.

— Я до сих пор так думаю.

Элис улыбнулась. Ей было легче с Прией, когда та не пыталась предсказывать будущее. Прошлого у них было достаточно, чтобы понимать, ради чего они сейчас рассматривают гостиницы.

У Прии зазвонил телефон. Она посмотрела на экран и сказала, что должна ответить. Элис собрала свои записи, поблагодарила и пошла к двери. В отражении стекла увидела, как Прия наконец открывает контейнер. Другой рукой та продолжала что-то объяснять собеседнику.

* * *

В пятницу Элис провела два урока. Вторым пришёл Артур, который полгода готовил песню для годовщины свадьбы и всё ещё называл это «если решусь».

Он снял пальто, аккуратно повесил его на вешалку и спросил, правда ли она скоро поедет в тур.

Элис замерла.

— Кто вам сказал?

— Вы сами написали, что в мае, возможно, изменится расписание.

— Тогда, возможно, да.

— Хорошо. А я уже решил, что вы от меня избавляетесь.

Он говорил спокойно, но в конце поправил рукав рубашки. Элис знала этот жест. Артур делал его, когда приближался к той части песни, где требовалось перестать изображать приличного мужчину и просто спеть.

— Если придётся перенести уроки, я предложу дни. Или могу познакомить вас с другим преподавателем на это время.

— У другого преподавателя придётся заново объяснять, что я безнадёжен.

— Мы с вами это так и не установили.

Она поставила перед ним воду и попросила начать с середины, без сопровождения. Артур начал тихо, запнулся, извинился. На втором заходе добрался до длинной фразы и потерял воздух перед последним словом.

— Не пытайтесь дотянуть до конца любой ценой, — сказала Элис. — Вы же можете выбрать, где вдохнуть.

Он посмотрел на текст.

— Но там нет запятой.

— Это не государственный документ.

Они попробовали разные места. В одном дыхание ломало смысл, в другом помогало. Потом Артур неожиданно спел всю фразу уверенно и даже посмотрел на Элис, вместо того чтобы следить за листом.

Она не захлопала. Только кивнула и попросила ещё раз.

— Получилось? — спросил он.

— Получилось.

— Вы так осторожно радуетесь, что я не всегда понимаю.

Элис рассмеялась и повторила громче.

После урока он попросил записать ему вступление, чтобы заниматься дома. Элис включила запись, сыграла медленно, вслух обозначила место входа. Затем сделала вторую, уже без подсказки. Артур проверил, что оба файла пришли, и убрал телефон в карман рубашки.

— Она будет смеяться, — сказал он у двери.

— Ваша жена?

— Конечно. Скажет, за сорок лет можно было признаться и короче.

Он улыбнулся, и Элис впервые поняла, что его выступление не нуждается в том, чтобы стать безупречным.

Когда Артур ушёл, она осталась за клавишами. На экране телефона лежала новая запись их сета. Рядом — сообщение Бена: он может встретиться после работы, но сначала должен закончить материалы для понедельника.

Элис ответила, что тоже задержится. Затем отправила ему фотографию своего листа, где восемь названий были перечёркнуты, переставлены, обведены и заново пронумерованы.

«Выглядит как наше расписание замены кабинетов», — написал он.

Она засмеялась и сыграла начало новой песни.

Дома у Бена они встретились уже после восьми. Он открыл дверь с карандашом за ухом, и Элис сразу забрала карандаш: боялась, что тот попадёт ей в глаз, когда она его поцелует.

На кухне пахло запечёнными овощами. Никакой особенной встречи не было: он спрашивал, сколько ей положить, она рассказывала про Артура, телефон Бена напомнил о стирке, которую он забыл вынуть. Они поднялись наверх развесить вещи и минут десять спорили, каким образом в одной машине может снова исчезнуть только один носок.

Элис присела на край кровати, пока Бен расправлял мокрую рубашку. Её клонило в сон. Она ещё хотела поговорить о туре, но поняла, что сейчас не сумеет рассказать ни о смете, ни о новых четырёх тактах, не начав зевать.

— Завтра расскажу, — сказала она.

Бен оглянулся.

— Хорошо. У меня есть утро.

Элис отодвинулась, освобождая ему место рядом.

Глава 4. Место в укрытии

5–6 апреля 2025. Бристоль и окрестности. Бен

Финн велел ему не надевать яркую куртку.

— У меня одна куртка от дождя.

— Тогда сверху что-нибудь.

Бен посмотрел на сына, потом на серое небо за окном.

— Ты предлагаешь надеть непромокаемую куртку под промокаемую?

— Я предлагаю не быть оранжевым.

Элис, сидевшая за столом с кружкой, стала рассматривать Бена внимательнее.

— В целом трудная задача. Но начать можно с куртки.

Финн оценил помощь короткой улыбкой. Бен поднялся наверх и достал старую зелёную ветровку, которой не пользовался с осени. В кармане лежали ржавый винт и бумажная салфетка. Винт он вынул, салфетку тоже. Вернулся вниз с достоинством человека, добровольно подчинившегося необоснованному требованию.

— Теперь ты похож на человека, который ничего не подозревает, — сказала Элис.

— Именно такого мы и возьмём, — ответил Финн.

Они договорились о поездке ещё в среду. Бен хотел посмотреть, что сын делает целыми утрами, а Финн неожиданно разрешил присоединиться. Условий было мало: не разговаривать возле укрытия, не приводить собаку, которой у них всё равно не было, и не спрашивать каждые пять минут, долго ли ещё.

В машине Финн проверял карту. Бен включил радио, услышал прогноз, выключил. Нельзя было сказать, что сын не любил с ним ездить, но за последние два года поездки почти всегда вели куда-то, что определил взрослый: к зубному, в школу, за обувью. Сегодня Финн дважды подсказал поворот, а один раз предупредил о съезде до того, как навигатор начал предлагать другое.

— Ты часто здесь?

— Несколько раз.

— С кем?

— С людьми из группы. Иногда с мамой.

Бен кивнул.

У влажного луга на окраине города стояли три машины. Старший мужчина в непромокаемых штанах вытаскивал из багажника складной стул. Женщина с седой косой застёгивала ребёнку воротник. Вокруг не было ничего похожего на место, ради которого следовало в выходной вставать так рано, если не считать длинной полосы неба и воды в углублениях между кочками.

Финн поздоровался с мужчиной по имени, и тот спросил о фотографии с прошлого раза. Не о школе, не об экзаменах. О фотографии.

— Показал дома, — сказал Финн. — Хотят понять, где именно птица.

— Значит, хороший снимок. Есть что искать.

Бен улыбнулся, но Финн уже шёл по дорожке.

Доски настила пружинили под ногами. В укрытии пахло мокрым деревом, старым кофе и чем-то болотным. Финн выбрал окно, поставил рюкзак между коленями и осторожно просунул объектив в проём. Бен сел рядом, стараясь не задеть скамью ботинком.

Тишина оказалась неодинаковой. В ней было слишком много того, что мешало молчать: скрип, шорох ткани, щелчок камеры, звуки с воды. Первые пять минут Бен искал объект наблюдения, потом начал следить за людьми. Женщина у другого окна делала пометки каран-

дашом. Мужчина со складным стулом так и не раскрыл его: сел на скамью, положил ладони на колени и смотрел.

Бен тоже посмотрел.

На воде появилась чёрная птица с белым пятном над клювом.

— Эта? — шепнул он.

Финн едва заметно покачал головой.

Прошло ещё время. У Бена затекла нога. Он осторожно вытянул её, задел рюкзак, извинился одними губами. Финн даже не обернулся. На его лице появилось выражение, которого дома почти не было: внимание без напряжения, терпение, не похожее на ожидание окончания неприятного дела.

Птица, за которой они пришли, показалась на несколько секунд. Бен увидел движение у края зарослей, не сразу понял, куда смотреть, а когда понял, различил только узкую тёмную спину.

Камера щёлкнула.

Финн не стал проверять результат. Ещё некоторое время смотрел в тот же проём.

Бен почувствовал почти детское желание попросить показать снимок немедленно. Вместо этого сел удобнее и начал замечать, как меняется вода от порывов ветра.

Через полчаса они вышли. Возле настила Финн наконец посмотрел фотографии. На одном кадре птица была почти целиком, но ветка пересекала голову.

— Нормально, — сказал Бен.

Финн увеличил изображение.

— Видно, что она здесь.

— Ты не расстроился из-за ветки?

— Для красивой фотографии — да. Для наблюдения нормально.

Бен снова посмотрел на экран. Ему казалось, что цель у снимка одна: получиться. Оказалось, Финн решал другую задачу.

Они выпили чай из термоса. Чай остыл, зато бутерброды были ещё мягкими. Бен предложил зайти по дороге в кафе; Финн согласился сразу, без привычного пожатия плечами.

На парковке мужчина со стулом спросил, отправит ли Финн наблюдение в общую запись.

— Сегодня, — ответил он.

— Не забудь время. И место точнее, чем в прошлый раз.

Финн кивнул. Бен ждал, что тот оправдается, но сын только записал что-то в телефоне.

В кафе подали слишком большую порцию картофеля. Финн ел, рассматривая карту на стене, и рассказывал, как вода на разных участках луга держится после дождя. Он не старался произвести впечатление. Пару раз сказал «не знаю», один раз — «нам объясняли, но я забыл».

Бену нравилось это слушать.

— На курсе тоже будет такая работа? — спросил он.

Финн перестал крутить вилку.

— И такая. И другая. Это не курс фотографии.

— Я понял.

— Просто все сразу спрашивают про фотоаппарат.

— Тогда расскажи про другое.

И Финн рассказал: о том, как составляют план участка, почему мало увидеть отдельное животное, о практических занятиях, где потребуется больше, чем терпеливо сидеть с камерой. На вопрос о тяжёлой работе он ответил, что видел список. На вопрос о плохой погоде посмотрел на отцовскую ветровку.

Бен поднял обе руки.

— Принято.

Он не стал в этот момент снова говорить про A levels. Сын заметил это и доел картофель, уже не готовясь защищаться.

* * *

Рэйчел приехала к трём. Она собиралась забрать Финна и его школьные вещи, но тот ещё загружал фотографии. Бен предложил чай.

— Если быстро, — сказала она. — Мне нужно закончить один чертёж до понедельника.

На ней были светлые брюки и куртка, в кармане которой лежал рулон измерительной ленты. Бен знал этот предмет и помнил, как однажды они уехали на выходные с тремя рулетками, но без открывалки. Теперь не было причин рассказывать об этом вслух.

Он поставил чайник. Рэйчел сняла куртку и посмотрела на открытую дверь кухни.

— Элис у тебя?

— Уехала на встречу.

— Передай спасибо за запись. Моя коллега просила название песни.

— Передам.

В её голосе не было проверки. Это по-прежнему иногда удивляло Бена, хотя оснований для удивления давно не осталось. У них с Рэйчел было слишком много настоящих дел вокруг сына, чтобы придумывать ещё соревнование за право на личную жизнь.

— Он тебе показывал курс? — спросила она.

Бен кивнул.

— Сегодня съездили посмотреть птиц.

— Как ты выдержал?

— Меня одобрили после смены куртки.

Рэйчел усмехнулась, затем стала серьёзнее.

— Я думаю, пусть подаёт.

— Подать не проблема. Проживание — другое дело.

— Поэтому и надо узнать условия заранее.

— Там будут расходы.

— Да, Бен.

Он услышал в её ответе знакомое раздражение: она тоже умела считать, ей не требовалось сообщать о существовании денег.

— Я не имел в виду, что ты…

— Знаю. Давай без этого круга.

Он поставил перед ней кружку. Несколько секунд они смотрели, как окрашивается вода.

— Сколько ты сможешь взять на себя? — спросил он.

— Сначала узнаем сколько всего. Потом решим. У нас ещё есть время до сентября.

— Я бы хотел, чтобы он хотя бы сравнил варианты здесь.

— Он сравнивал. Ты слушал, когда он рассказывал?

Бен хотел ответить немедленно, но не сумел вспомнить, о каком именно варианте Финн говорил две недели назад. Он помнил кухню, сообщение из колледжа на телефоне, своё «хорошо, ещё посмотрим». Возможно, это и был разговор.

— Послушаю ещё раз, — сказал он.

Рэйчел не стала пользоваться преимуществом.

— Я тоже не всё понимаю в этой программе. Мне нравится, что он сам задаёт вопросы. Но расходы мы ещё не согласовали. И оценки никто за него не получит.

— Вот именно.

— Это не значит «забудем до августа».

Бен кивнул. Они договорились: Финн отправляет заявку, они изучают проживание и возможность визита, местные варианты остаются в списке. Рэйчел возьмёт на себя часть пере-

писки, Бен сможет отвезти сына в один из выходных, если колледж подтвердит встречу. Никакого решения за Финна в этот день не приняли.

Сын вошёл, когда они уже обсуждали обычное расписание недели.

— Отправил наблюдение, — сказал он.

— И время? — спросил Бен.

— И время.

Финн посмотрел на обоих, затем на ноутбук.

— Я могу сейчас заявку отправить?

Рэйчел отодвинула кружку.

— Можешь. Проверь почту и телефон.

Бен остался рядом, но не стал тянуть к себе экран. Финн прочитал несколько пунктов вслух, спросил номер домашнего телефона и сам исправил ошибку в адресе. На последнем шаге задержался.

— Всё? — спросил он.

— Тебе решать, — сказал Бен.

Сын нажал кнопку. Никакой музыки не прозвучало, страница просто изменилась. Финн сделал снимок подтверждения и попросил отправить ему фотографию документов, которые хранились у матери.

Когда они ушли, Бен убрал со стола три кружки. День оказался насыщеннее, чем он собирался. Утром ему казалось, что он просто отвезёт сына погулять.

* * *

К перерыву воскресной викторины в пабе команда Бена уже далеко отстала. Мартин остался дома: там меняли кухню, и он сказал, что покинуть место бедствия будет трусостью. Его имя Лив всё равно вписала в лист. Можно было ошибиться, заказать картофель и перейти к следующему раунду. Сегодня от уверенности Бена ничего существенного не зависело.

Бен рассказал про вчерашнюю поездку. Лив попросила показать фотографии.

— Они у Финна.

— Значит, попроси.

Он почти достал телефон, потом убрал его обратно.

— Спрошу, какие можно.

Лив пожала плечами: хорошо. Никто не потребовал немедленно доказать существование птицы.

Разговор ушёл к книжному магазину. У них собирались переставить часть полок, чтобы освободить место для детских встреч, и Лив спорила с владельцем: тот хотел убрать кресла, на которых постоянно сидели люди, ничего не покупавшие.

— А потом эти люди приводят внуков, — сказала она. — Но на это нужна память длиннее одного чека.

Сал спросил, не нужны ли им старые стулья из его дома. Лив попросила сначала показать фотографию: она знала его представление о хорошей мебели.

Бен слушал и ел остывший картофель. Элис в это время ужинала с Ниной после записи; они договорились встретиться на неделе. Ему хотелось, чтобы она когда-нибудь посидела здесь с ними, но не потому, что без неё вечер был неполным. Просто Лив понравилось бы, как Элис спорит с названиями песен, а Элис — как Сал принимает поражение с возмущённой торжественностью.

Они заняли шестое место из восьми. Мартину отправили фотографию листа с подписью «Ты спас свою репутацию». Он ответил фотографией раковины посреди гостиной.

Уже на улице Сал спросил про учебный проект.

— Список оборудования составил?

— Часть.

— Пришли. Я посмотрю, где ты слишком хорошо думаешь о первом курсе.

Бен пообещал. Это был полезный разговор, но они не стали превращать остаток вечера в совещание. Прошлись до перекрёстка, обсудили велосипедную дорожку, на которой снова стоял фургон, и разошлись.

Дома Бен включил свет в прихожей. На кухонном столе лежала забытая Финном крышка объектива. Он сфотографировал её и написал сыну, что сохранит. Затем увидел письмо от школы, ответил на два пункта и открыл список оборудования.

Через несколько минут пришло сообщение Элис. На записи Нина пыталась ложкой отбить вступление, а чей-то смех перекрывал музыку.

«Это уже готово для больших залов?» — написал Бен.

«Для очень маленькой кухни», — ответила она.

Он отправил фотографию листа с викторины. Элис пожалела, что не была с ними: на вопрос о музыке ответила правильно, на соседний — нет, и Бен с удовольствием сообщил, что шестое место они бы всё равно сохранили.

Перед сном он заглянул в комнату Финна, положил крышку на письменный стол. Здесь было тесно от школьных папок, вещей, которые сын собирался убрать, и коробки с проводами, существование которой Бен однажды разрешил и теперь не имел права осуждать.

Он поправил лежавшую на краю стола тетрадь и вышел, оставив остальное как было.

Глава 5. После красной лампы

11–13 апреля 2025. Бристоль. Элис

Ведущая произнесла её фамилию без ошибки, и Элис почувствовала почти несоразмерную благодарность.

До красной лампы оставалось несколько минут. За стеклом человек в наушниках показывал кому-то на часы. В студии стояли три микрофона, два стула и цветок, который выглядел искусственным, но на одном листе имел живое жёлтое пятно. Элис старалась смотреть на цветок, а не на камеру.

— Если захотите остановиться, скажите, — предупредила ведущая.

— В эфире?

— Песни пишем сейчас. Разговор потом. Вы можете остановить песню.

Элис кивнула. Она знала порядок, получила письмо и прочитала его дважды. Но в комнате всё равно хотелось быть человеком, который ни на секунду не задерживает работу остальных.

Нина устроилась на соседнем стуле с басом. Сегодня они выступали вдвоём: выбранная версия не требовала ударных, а пространство не позволяло в последний момент делать вид, что позволяет всё. Джоэл получил согласованную оплату за отдельную подготовку аранжировки, но на запись не приехал. У него были ученики.

— Готовы? — спросил голос из динамика.

Элис поправила наушники. Слишком много собственного дыхания.

Она сыграла начало.

Первые две строки прошли легко. На третьей в наушниках появилось шуршание, словно кто-то разворачивал пакет возле её уха. Элис попробовала не обращать внимания. Нина посмотрела на неё; продолжила играть. К припеву Элис уже выбирала между текстом и попыткой угадать, слышит ли помеху кто-нибудь ещё.

Она остановилась.

Тишина показалась неловкой.

— Простите. У меня в левом наушнике…

— Да, нашли, — ответил голос.

За стеклом человек поднял руку. Никто не раздражался. Ведущая пила воду и просматривала лист.

Элис ослабила плечи. Нина беззвучно сказала ей: «Нормально».

Со второго раза песня получилась точнее, чем на некоторых концертах. Элис не пришлось возвращаться к нужному настроению насильно: оно было в самой задаче, в расстоянии до микрофона, в Нининой паузе перед последним куплетом. Здесь нельзя было спрятаться за залом, зато можно было не увеличивать голос там, где хватало простого слова.

После последнего звука никто не заговорил сразу. Элис не знала, понравилось ли это им или они ждут технического подтверждения.

— Есть, — сказал человек за стеклом.

Нина улыбнулась.

Для разговора им переставили стулья. Ведущая спросила, почему «Свет на лестнице» появился именно сейчас, и Элис пришлось начать с поправки: песня была записана в прошлом году, а написана ещё раньше.

— То есть это не новый трек?

— Для кого-то новый. Для меня он уже видел несколько квартир.

Ведущая засмеялась.

— Вы поёте о возвращении домой. Есть ли за этим конкретный человек?

Элис посмотрела на свои руки. Здесь легко было ответить красиво. Назвать Бена, связать всё сегодняшнее с его кухней, получить понятную короткую историю. Она действительно возвращалась к нему с радостью. Но песня появилась до него, а лестница была из дома, где она когда-то снимала комнату с женщиной, работавшей ночами.

— Есть конкретное место, — сказала Элис. — И несколько людей. Я не всегда умею отделить одного от другого.

Ведущая спросила о той комнате. Элис рассказала, как свет на лестнице включался не с первого нажатия, как поздно вечером приходилось искать выключатель локтем, потому что руки заняты инструментом и пакетом. Не рассказала о каждом несчастье, которое могла вспомнить. Для этой песни они не требовались.

Затем заговорили о концертах. Элис назвала ближайший местный вечер, Нина — состав. О предполагаемом туре Элис не сказала: нечего было объявлять до подтверждения.

После записи их попросили несколько минут посидеть для коротких вставок и фотографий. Элис улыбалась, меняла положение гитары, снова улыбалась. На третьем повторе улыбка стала ненастоящей, и Нина спросила, не нужно ли им ещё показать, как они подписывают ипотеку. Фотограф рассмеялся и как раз тогда сделал удачный снимок.

В коридоре ведущая подошла попрощаться.

— Вы давно вместе играете?

— Около десяти лет, — ответила Элис.

— Слышно.

Нина убрала телефон, на котором проверяла автобус.

— Спасибо.

Она произнесла это без шутки, и Элис поняла, что комплимент попал туда же, куда попал бы ей самой.

* * *

Они поели возле студии. В кафе не было свободных столиков, поэтому сели на высокие стулья у окна. Гитарный футляр Элис удерживала коленом. Нина поставила бас так, чтобы никто не опрокинул его сумкой.

— Ты хорошо сказала про место, — заметила она.

— Я на секунду забыла, о чём меня спрашивают.

— Похоже было, что думаешь.

— Иногда так и бывает.

Нина размешивала сахар. Чай остыл, но она всё равно дула на него по привычке.

— Мне нравится новая концовка, — сказала Элис.

— Которую мы не собирались играть?

— Именно.

В последнем куплете Нина не повторила привычный рисунок. Оставила одну ноту дольше, и Элис пришлось не торопить окончание. На репетиции они такого не договаривались.

— Я просто услышала, что тебе нужно место.

— Я тоже. Но позже.

Нина пожала плечом. Элис подумала о десяти годах: о людях, которые за это время приходили, уходили, обещали присоединиться надолго и исчезали после двух концертов. Нина оставалась не потому, что ей больше некуда было пойти. Иногда Элис помнила об этом лучше, иногда хуже.

— У тебя как вчерашняя студия?

Нина подняла взгляд.

— Нормально. Они оставили мою партию.

— Вместо демо?

— После того как три часа просили сыграть как в демо.

Элис рассмеялась и попросила рассказать. Нина показала на столе два ритмических рисунка, переставляя соль и сахарницу вместо нот. Соседка по стойке посмотрела на них с умеренным подозрением. Нина убрала соль.

Работа ей нравилась. Это было видно по тому, как она переставала язвить, когда доходила до звука. Элис поймала себя на желании сказать, что у них в мае тоже будет интересно, и не сказала. Они уже обсудили май. Сейчас Нина рассказывала о другом.

В конце разговора Прия прислала сообщение: запись посмотрит вечером; короткое видео с песней появится после согласования монтажа.

— Надеюсь, мне не обрежут голову, — сказала Элис.

— Тебя хотя бы предупредят. Мне обычно оставляют левую руку.

Нина допила чай и ушла на автобус. Элис ещё посидела у окна, отвечая на письма. Одно было от человека, которому требовалась певица на частный праздник в конце мая. Она поблагодарила и написала, что пока не может подтвердить дату.

Нажать «отправить» оказалось трудно. Работа была оплачиваемой, понятной, в городе. Тур ещё не был подтверждён. Элис сохранила письмо в отдельной папке, будто это могло удержать предложение от исчезновения.

* * *

В субботу у неё был короткий сет на сборном вечере. До выхода она стояла в тесном проходе и слушала, как предыдущая исполнительница заканчивает песню. В зале кто-то громко рассмеялся; исполнительница не сбилась. Элис знала, сколько стоит такая выдержка, и потом сказала ей об этом.

Сама она начала с новой аранжировки. Первые четыре такта прошли уверенно. Человек у бара обернулся, кто-то убрал телефон. Нина играла спокойно, как будто полная комната незнакомых людей не отличалась от репетиционной с обогревателем.

На «Свете на лестнице» случилось небольшое, но новое: двое у самого края сцены не только узнали песню, но и знали второй куплет. Элис видела по их губам. Один потом подошёл и сказал, что услышал её в записи живого выступления, которую ему прислала сестра.

— Мне понравилось, что вы не ускоряете, — сказал он.

Он явно боялся, что выразился глупо.

— Спасибо, — ответила Элис. — Мы иногда всё-таки ускоряем.

— Сегодня нет.

Дома она открыла страницу с видео радиосессии. Прия согласовала выпуск короткого фрагмента, и ролик уже начали пересылать. Цифра просмотров росла не так быстро, чтобы это стало похоже на кино: Элис успевала поставить чайник, вымыть чашку, вернуться и увидеть несколько сотен новых. Но она никогда раньше не возвращалась к одному и тому же экрану с таким нетерпением.

Послушала первые двадцать секунд. Нашла недостаток в голосе. Закрыла. Через минуту открыла снова.

Позвонила Прия.

— Пожалуйста, не читай всё подряд.

— Там в основном хорошее.

— Поэтому и говорю. Хорошее тоже может съесть вечер.

Элис села на пол возле дивана. Колени ныли от каблуков, которые она надела только ради двадцати минут на сцене.

— Что это значит? — спросила она.

Прия поняла вопрос.

— Сейчас — больше людей услышали песню. Завтра посмотрим, пришли ли они слушать другие.

— И всё?

— Элис. Это немало.

После звонка она снова открыла страницу, но на этот раз прочитала только несколько сообщений. Человек из Лидса спрашивал, когда концерт. Женщина писала, что слушала в машине по дороге с ночной смены. Кто-то уверенно утверждал, что это кавер, и получил три разных неправильных ответа о настоящем авторе.

Элис ответила женщине. Остальным — утром, решила она. Поставила телефон экраном вниз.

Через пять минут перевернула.

* * *

Бен пришёл в воскресенье после обеда, когда она разбирала коробку с дисками. У неё зажало палец между двумя пластиковыми обложками, и вместо приветствия он услышал слово, которое не годилось для радиосессии.

— Всё хорошо?

— Моя продукция пытается меня съесть.

Он поставил на стол бумажный пакет.

— Я принёс хлеб. Могу унести, если у вас здесь конкуренция.

Элис освободила палец, поднялась и обняла его. Бен был холодный с улицы, воротник куртки слегка влажный. Она расстегнула ему молнию, просунула руки под куртку и осталась так стоять.

— Очень хочется тебя куда-нибудь забрать, — сказала она.

— Я уже здесь.

— Ещё дальше.

Он посмотрел на её коробки.

— В место, где не хранят диски?

— Смелая мысль.

Они пошли гулять, оставив хлеб на столе. Элис взяла телефон, но убрала его в застёгнутый карман. Бен рассказал, как утром пытался найти в магазине нужную деталь для кухонного ящика и обнаружил, что два внешне одинаковых изделия отличаются одной буквой в названии и всем остальным на практике.

— Ты справился?

— Я проявил зрелость и ничего не купил.

— Мне бы так.

Он взял её за руку.

Уличный рынок уже сворачивался. Люди накрывали столы плёнкой, прятали остатки товара в ящики, пытались продать последние цветы. Элис остановилась у женщины с ведром нарциссов. Один пучок был заметно кривее остальных.

— Эти дешевле?

— Нет. Эти с характером.

Бен отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Элис купила кривые.

Они свернули к парку. Ветер гнал по дорожке бумажную салфетку, ребёнок на самокате трижды объехал одну и ту же лужу, потом решился и въехал прямо в неё. Мать не стала ругать — только подняла руки, словно заранее соглашаясь с будущей стиркой.

Элис на мгновение подумала о Финне, потом о том, как мало знает о жизни с детьми, даже если ребёнку шестнадцать. С Беном рядом это не всегда пугало. Он не требовал от неё немедленно найти правильное место, и она была благодарна, хотя никогда не формулировала благодарность вслух.

Они сели на скамейку, где середина ещё оставалась сухой. Бен заметил, что телефон в её кармане снова завибрировал.

— Ты можешь посмотреть.

— Я знаю.

— У тебя лицо человека, который удерживает крышку на кастрюле.

Она засмеялась и всё-таки достала телефон. Прия прислала новую сводку и вопрос о коротком комментарии для музыкального сайта. Элис прочитала цифры, ещё раз, затем показала Бену.

Он присвистнул.

— Я помню, сколько человек было в субботу.

— Это не то же самое.

— Конечно. Но кто-то из этих людей может прийти в следующую.

Она кивнула. Не хотела уменьшать радость сразу после того, как сама её принесла.

— Мне странно, что песня теперь живёт, пока я сплю.

— Она и раньше жила.

— Раньше я могла примерно представить где.

Бен задумался.

— Тебе нравится?

Она ответила не сразу.

— Очень.

Он улыбнулся.

— Хорошо.

Элис положила телефон в карман, но потом вынула ещё раз, чтобы попросить Прию прислать вопросы письменно. Она могла ответить вечером. Не сейчас, на скамейке, пока Бен придерживает её кривые нарциссы.

Бен пообещал взять её на следующую викторину и официально поручить ей провал музыкального раунда.

— Я не обещаю быть полезной, — сказала она.

— Это наш основной критерий вступления.

К подъезду дождь разошёлся. Элис пыталась спрятать нарциссы под куртку. Бен уверял, что они хотя бы растения. Она смеялась так, что не могла найти ключи.

Дома он снял куртку, и на плечах футболки остались мокрые пятна. Элис повесила нарциссы над раковиной, нашла высокую банку, налила воды. Бен стоял в дверях кухни и смотрел на неё.

— Что?

— Ничего.

— Это плохой ответ.

— Мне нравится быть здесь.

Она поставила банку на подоконник. В квартире было теснее, чем у него; от стола до шкафа приходилось поворачиваться боком, особенно если на полу стоял инструмент. Бен не оглядывался с предложениями, как всё исправить. Просто ждал, пока она закончит с цветами.

Элис подошла и взялась за край его мокрой футболки.

— Надо снять.

— Это забота?

— Отчасти.

Он наклонился к ней. Поцелуй сначала был почти смешным — они столкнулись носами, потому что она потянулась слишком быстро. Потом он перестал быть смешным. Элис почувствовала, как у Бена под ладонью движется спина, как он осторожно освобождает её волосы из воротника.

Она потянула его за собой в спальню. Ей нравилось, что здесь он немного медлил: не от неуверенности в ней, а потому, что приходилось искать место для своих вещей, привыкать к другой стороне кровати. Она показала куда, затем сама сдвинула книгу с подушки.

Позже они лежали, слушая дождь. Бен водил пальцем по её плечу, не пытаясь превратить прикосновение во что-то следующее. Элис хотелось спать и хотелось оставаться в этом дне ещё долго.

— Ты сегодня ни разу не попросил спеть, — сказала она.

— Я плохо знаю правила воскресенья у певиц.

— Продолжай не знать.

Он поцеловал её в висок.

К вечеру дождь закончился. Они разогрели остатки еды, порезали принесённый Беном хлеб. Элис ответила на вопросы сайта, пока он читал у окна. Последний вопрос был о том, что бы она сказала себе двадцатидвухлетней.

Она несколько раз начинала ответ. Всё выходило слишком уверенно, как будто ей заранее было известно, что сегодняшний день наступит.

В конце написала о работе: записывать, выступать, учиться слышать других людей. Убрала совет никогда не сдаваться. Иногда отказаться от конкретной работы было самым разумным, что она делала.

— Закончилось? — спросил Бен.

— На сегодня.

Он закрыл книгу. Элис выключила ноутбук и подошла к нему с двумя чашками.

Глава 6. Не по правилам

18–20 апреля 2025. Бристоль. Бен

В пятницу утром Бен убрал ноутбук в шкаф.

Не закрыл, чтобы открыть после кофе, а именно убрал: провод отдельно, папку с заданиями сверху. В понедельник ему предстояло закончить подготовку к возвращению студентов, и всё необходимое уже лежало в одном месте. Праздничные выходные не требовали, чтобы он проверял это каждые полчаса.

Элис стояла у двери кухни с тарелкой.

— Ты прячешь от меня работу?

— От себя.

— Надёжное место?

— Пока помню, где шкаф, не очень.

Она поставила на стол два кус

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.